

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Глава XXXIII ¹⁾.

Ночь прошла благополучно. Наступилъ канунъ одного изъ величайшихъ праздниковъ Ислама—„рожденіе Магомета“. Али не проспалъ утренней службы и отправился въ мечеть.

Прислуга доложила, что пришли два паликара и желали имѣть секретный разговоръ съ консуломъ.

Прибывшіе сообщили много новаго въ слѣдующей версіи.

За хорошія деньги имъ удалось подкупить шпиона, тайнаго ренегата изъ черкесовъ, который выдалъ имъ весь планъ заговора.

Оказалось, что духовенство, озлобленное выходкой грека, пришло въ крайнюю степень раздраженія и стало подстрекать гарнизонъ немедленно приступить къ расправѣ съ христіанами.

Тогда былъ наскоро созванъ совѣтъ, и принято рѣшеніе вызвать всѣхъ турокъ, жившихъ въ горахъ и долинахъ, открыть арсеналь и раздать имъ оружіе, а военной эскадрѣ было отдано приказаніе повернуть всѣ пушки противъ европейской части города на случай упорнаго сопротивленія оттуда.

Всѣ присутствовавшіе съ энтузіазмомъ принялись готовиться къ нападенію; но вернувшійся изъ Конака главный шейхъ не одобрилъ порыва горячихъ головъ и предложилъ нѣчто другое.

Прежде всего онъ объяснилъ собранію, что по распоряженію начальника края не будетъ допущенъ пріемъ шифрованныхъ депешъ впредь до всесторонняго обсужденія характера и причинъ кроваваго

¹⁾ См. „Русская Старина“, сентябрь 1910 года.

происшествія, но не иначе, какъ совмѣстно съ иностранными резидентами, которые могли бы въ своихъ поспѣшныхъ донесеніяхъ неправильно освѣтить факты и тѣмъ вызвать дипломатическое осложненіе. Такимъ образомъ, пока Кіамиль-паша будетъ возиться съ агентами державъ, эскадрѣ и крѣпостному гарнизону, по указанію шейха, надлежало занять пассивное положеніе и быть въ резервѣ, а для активнаго выступленія противъ дерзкихъ гяуровъ призвать съ берега изъ окрестностей Чесмы нѣсколько бандъ зейбековъ и спрятать ихъ до времени въ трюмахъ военныхъ кораблей. Послѣ праздника, т. е. съ воскресенья на понедѣльникъ, выпустить малоазіатскихъ гостей прогуляться по острову и предоставить имъ свободу дѣйствій, что могло быть совершенно достаточно для достиженія извѣстной цѣли. На могущее послѣдовать вмѣшательство дипломатіи отписаться не составитъ труда, сваливъ все на башибузуковъ, и тогда дѣло уладится само по себѣ, а невѣрные все-таки получатъ возмездіе за оскорбленіе магометанской святыни.

Передавъ въ подробностяхъ все вышеизложенное, паликары объяснили намъ, что греческимъ населеніемъ Хіоса уже приняты мѣры на случай самообороны, и что сейчасъ формируется многочисленный отрядъ партизановъ, часть котораго засядетъ на палубахъ коммерческихъ судовъ для наблюденія за рейдомъ, а главныя силы расположатся за выступами прибрежныхъ скалъ; въ укрытомъ мѣстѣ будетъ собрано множество шлюпокъ и лодокъ, нагруженныхъ запасами оружія, патроновъ, топоровъ и другими боевыми принадлежностями.

— Нашъ планъ таковъ, — говорилъ одинъ изъ пришедшихъ, Христофоръ Сарико, извѣстный среди греческой молодежи своей несравненной отвагой и неустрашимостью:—при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи турокъ мы немедленно спускаемъ на воду всю нашу флотилію и плывемъ къ эскадрѣ; затѣмъ подходимъ къ ней вплотную, рубимъ цѣпи якорей, взбираемся наверхъ и захватываемъ нушки...

— Но это безуміе,—перебилъ его дядя,—васъ перерѣжутъ и перетопятъ, какъ барановъ!..

— О, нѣтъ!—самоувѣренно возражалъ храбрый Сарико,—насъ слишкомъ много по сравненію съ численностью экипажа съ башибузуками вмѣстѣ, да мы и проворнѣе ихъ! Едва-ли они успѣютъ шевельнуться, какъ уже будутъ отправлены нашими молодцами за бортъ въ даръ Посейдону—туда имъ и дорога!.. съ свирѣпою радостью договорилъ молодой человекъ и, получивъ отъ дяди нѣкоторую сумму денегъ для фонда организаци, отправился съ тѣмъ же порученіемъ къ другимъ консуламъ.

Въ то же утро собрались у насъ всѣ резиденты западныхъ державъ и агенты коммерческихъ конторъ для совмѣстнаго обмѣна взглядовъ и мнѣній.

Разсчитывать на успѣхъ предпріятія, задуманнаго греками, казалось ребячествомъ; но такъ или иначе, а надо же было защищаться.

Пассажирскихъ пароходовъ, какъ нарочно, ранѣе вторника не ожидалось по расписанію ни одного, а слѣдовательно на ихъ помощь въ передачѣ донесенія нечего было и надѣяться; прорваться хотя бы на парусной шкунѣ сквозь стражу, высланную къ выходу въ открытое море, также не имѣлось никакихъ шансовъ.

Тогда пошли на компромиссъ и составили такой планъ дѣйствій: отправиться всей компаніей къ губернатору и, не затрагивая вопроса о шифрованныхъ депешахъ, выразить ему полное довѣріе и увѣренность, что онъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, возстановитъ собственной властью порядокъ въ странѣ. Въ то же время Австро-Венгерскому консулу, г. Буковичу, какъ представителю монархіи, которая наравнѣ съ Англіей пользовалась также особенными симпатіями Блистательной Порты, испросить для себя спеціальное разрѣшеніе паши на отправку телеграммы въ Смирну по личному якобы торговому дѣлу, но только со славянскимъ текстомъ, хотя и написаннымъ латинскимъ шрифтомъ. Начальникъ края принялъ консуловъ чрезвычайно любезно, обстоятельно разъяснилъ имъ, по какимъ собственно побужденіямъ онъ установилъ цензуру, очень извинялся за причиненное безпокойство и далъ обѣщаніе, что въ его владѣніяхъ миръ и согласіе никогда не будутъ нарушены.

Настала очередь г. Буковича: Кіамиль-паша видимо колебался; но, вѣроятно, опасаясь испортить отношенія съ агентомъ дружественной державы, далъ ему разрѣшительный билетъ къ цензору, предварительно обязавъ австрійца честнымъ словомъ, что въ его депешѣ не будетъ ничего, касающагося прискорбнаго инцидента; но это нисколько не помѣшало послѣднему по окончаніи аудіенціи отправить въ контору „Ллойда“ краткое изложеніе случившагося съ убѣдительною просьбой похлопотать о присылкѣ къ воскресенью военнаго корабля.

Долго вертѣли въ рукахъ турецкіе чиновники подозрительный листокъ съ неизвѣстнымъ содержаніемъ; но предъявленный документъ за подписью губернатора заставилъ ихъ повиноваться.

Никто тогда не могъ понять причинъ, побуждающихъ Кіамиль-пашу дѣйствовать такъ коварно, когда расправа съ христіанами уже была предрѣшена.

Но современемъ выяснилось, что въ этомъ ужасномъ дѣлѣ онъ

только игралъ роль простой пѣшки въ рукахъ хитроумныхъ шейховъ. По ихъ же указаніямъ онъ также не отмѣнилъ цензуры до слѣдующей недѣли, чтобы, такимъ образомъ, дать возможность осуществиться заговору безъ всякой помѣхи извнѣ.

Г л а в а XXXIV.

Наступали часы вечерней службы въ мечетяхъ.

Солнце ушло съ зенита и склонялось къ вершинамъ могучаго Тавра, зажигая на немъ розовые лучи заката. Небо сіяло лазурью и дышало зноемъ на раскаленную землю. Все предвѣщало душную, жаркую ночь. Я вышла на плоскую крышу дома, чтобы освѣжиться, и залюбовалась несравненной панорамой моря во всемъ его удивительномъ очарованіи. Оно было величаво и прекрасно, отражая въ себѣ разнообразіе красокъ угасающаго дня.

— Какой восторгъ это дивное, лучезарное море,—цѣло въ моей душѣ,—и какое счастье жить на берегу его и слушать плескъ прибоя!.. Какъ хороша жизнь сама по себѣ: молодость, любовь... А что такое „любовь“ въ сущности?—уже переходя изъ лирическаго настроенія на элегическій тонъ, задумалась я:—Это волна, что взбѣжала вотъ сейчасъ на отмель, блеснула изумрудами и откатилась бѣлой пѣной... Ничто не вѣчно въ подлунномъ мірѣ, сказалъ какой-то мудрецъ—пусть будетъ и такъ. Люблю ли я его? Кажется, что да? Онъ обѣщалъ мнѣ рай—правда, во вкусѣ Магомета; но не все-ли равно, если и туда заглядываетъ счастье. И надо же было подвернуться этому ничтожеству, этимъ хитрымъ голубымъ глазамъ... И я заплакала горько и неутѣшно о „потерянномъ раѣ“.

Какая-то лодочка причалила къ агентству, и чей-то громкій голосъ назвалъ меня по имени, привѣтствуя на турецкомъ языкѣ: „Селямъ аллеикюмъ!“

Смотрю и глазамъ не вѣрю: менѣе всего можно было ожидать въ такое тревожное время появленія турецкаго офицера подъ окнами христіанскаго дома.

А это оказался тотъ самый артиллеристъ, съ которымъ я видѣлась наканунѣ у входа въ конакъ.

— Хассанъ-эфенди!—крикнула я, спускаясь внизъ,—аллейкюмъ селямъ! но почему вы не въ мечети—скоро зажгутъ плошки на минаретахъ, и какъ бы не вышла неприятность для васъ?

— Успѣю еще, не беспокойтесь! соскучился я о жемчужинѣ моего сердца,—перевелъ онъ на французскій языкъ турецкій ком-

плиментъ,—и вотъ, какъ видите, не утерпѣлъ; очень испугались вы вчера?

— О! нисколько,—уклонилась я отъ истины, — кто же станетъ обижать насъ, не правда ли? кому мы дѣлаемъ вредъ?

— Конечно, конечно,—нерѣшительно и колеблясь отвѣтилъ онъ,— только, знаете, злыхъ людей на свѣтѣ больше, чѣмъ добрыхъ — объ этомъ-то я хотѣлъ побесѣдовать съ вами, алмазь мой драгоценный!

— Подождите, — перебила я, — ваша „порція“ готова, сейчасъ принесу.

Слезы благодарности показались на глазахъ старика.

А „порція“ эта состояла всегда изъ нѣсколькихъ серебряныхъ монетъ, сладкихъ пирожковъ, конфетъ и разныхъ бездѣлушекъ для его дѣтей.

Каждый четвергъ, т. е. въ кануны еженедѣльныхъ праздниковъ Пслама, въ извѣстный часъ, незадолго до вечерней службы, къ стѣнамъ нижняго этажа подплывалъ каибъ Хассанъ-эфенди, и я вручала ему пакетъ, прозванный въ шутку домашними „порціей Хассана“. Такъ продолжалось до настоящаго дня. Обыкновенно онъ сердечно благодарилъ за подарки и спѣшилъ, не задерживаясь излишними разговорами, къ себѣ въ крѣпость.

Но на этотъ разъ, высказанное имъ желаніе поговорить о людской злобѣ озадачило и встревожило меня. Положивъ свертокъ на дно лодки и поцѣловавъ собственную ладонь правой руки въ знакъ глубокой признательности, эфенди продолжалъ начатый разговоръ и, къ удивленію моему, высказалъ почти то же самое, что и кавасъ Али, только съ небольшими вариациями.

Такъ, онъ сообщилъ, что въ Смирну уже пришла британская эскадра подъ вымпеломъ герцога Единбургскаго, и что, по слухамъ, ждали на-дняхъ „Свѣтлану“, сопровождаемую большимъ отрядомъ военныхъ судовъ подъ командой адмирала Бутакова.

— Вообразите же себѣ какое веселье и торжество наступятъ тамъ,—съ воодушевленіемъ рассказывалъ Хассанъ-эфенди, стараясь выразиться какъ можно цвѣтистѣе, чтобы привести меня въ восхищеніе своими новостями, — иллюминаціи, танцы, катанья въ горы... А сколько русскихъ офицеровъ будутъ за вами ухаживать! Все это народъ образованный, съ утонченнымъ воспитаніемъ, не то, что греческія свиньи съ торговыхъ шкунь, дикіе паликары,—и онъ такъ же, какъ и Али, презрительно плюнулъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло, драгоценный мой перлъ, украшеніе души вашего вѣрнаго Хассана,—говорилъ онъ съ трогательной мольбой, прижимая руки къ сердцу: — общайте мнѣ именемъ Ал-

лаха, что вы сейчас же пойдете къ вашему доброму дядѣ и будете очень, очень просить его отправить васъ, обѣихъ дамъ, въ Смирну и непременно въ субботу, такъ какъ къ воскресенью, я слышалъ, затѣваютъ тамъ что-то необыкновенное!—схитрилъ бѣдняга, украдкой вытирая набѣгавшія слезы.

У меня сжалось сердце тоской—я прекрасно поняла его: благодарный другъ въ довольно ясныхъ намекахъ предупреждалъ о грозившей опасности, но не смѣлъ выдать тайны постановленій совѣта шейховъ. Малоазіатскихъ разбойниковъ боятся даже коренные турки, съ которыми они не всегда церемонятся и, ради добычи, съ удовольствіемъ ограбятъ и зарѣжутъ любого мусульманина, какъ и всякаго другого. Къ услугамъ этого сброда прибѣгаютъ, правда, въ исключительныхъ обстоятельствахъ или по секретнымъ мотивамъ въ родѣ, на примѣръ, даннаго случая, а правительство, какъ извѣстно, формируетъ изъ нихъ иррегулярную конницу, т. е. отряды „башибузуковъ“, что въ переводѣ означаетъ „сорви-голова“.

Уѣхать въ Смирну—чего бы лучше! Но объ этомъ я не могла и мечтать, да и совѣстно какъ-то было останавливаться на такой мысли: дядя мой по долгу службы не имѣлъ права отлучаться изъ консульства безъ особеннаго на то разрѣшенія посольства, тѣмъ болѣе въ виду наступающихъ событій; жена его, и говорить нечего, не бросила бы мужа одного, а я, не столько по долгу совѣсти, сколько по сердечному побужденію намѣрена была раздѣлить общую участь.

Г л а в а XXXV.

Однако, какія неправдоподобныя вещи рассказываетъ авторъ, подумаютъ, какъ мнѣ кажется, многіе: офицеръ турецкой арміи еженедѣльно приходилъ къ христіанкѣ за подаваніемъ?..

Удивляться и недовѣрять можно всему; но узнать и понять причину такого ненормальнаго явленія, это уже совсѣмъ другое дѣло.

Хотя я достаточно говорила о бѣдственномъ матеріальномъ положеніи военныхъ въ Оттоманской Имперіи, но позволяю себѣ опять напомнить читателю то же самое для ясности рассказаннаго случая.

Послѣдніе годы царствованія Абдуль-Азиса были печальной эпохой въ исторіи турецкаго народа.

Въ началѣ даже очень популярный и подававшій блестящія надежды, монархъ этотъ къ концу своей жизни сдѣлался жестокимъ

самодуромъ, безумнымъ расточителемъ государственныхъ финансовъ и привелъ бы страну къ полнѣйшему банкротству, если бы не золото Англіи, съ помощью котораго она же и убрала его съ престола.

Дошло до того, что истощенной казнѣ стало не подъ силу платить жалованье чиновникамъ въ провинціяхъ и войскамъ.

Первые, съ молчаливаго согласія, еще кое-какъ прозябали бакшишами, а послѣдніе, даже офицеры, не получая долгими мѣсяцами содержанія, бѣдствовали ужасно. Жить хочется, и ѣсть надо, но взять негдѣ—поневоля и руку протянешь.

Вотъ какую грустную картину представляла собой служба турецкаго война, такъ что сомнѣваться въ достовѣрности приведеннаго мною факта не имѣется основанія.

Для иллюстраціи къ сказанному еще нѣсколько словъ.

Въ хіосской цитадели хранилось до 1876 года, какъ любопытные памятники былыхъ временъ владычества генуэзцевъ надъ Архипелагомъ, нѣсколько пушекъ удивительной формы. Одна изъ нихъ была, на примѣръ, точная копія тыквы, съ жерломъ, обращеннымъ къ небесамъ: какъ стрѣляли изъ нея и куда попадали—на этотъ вопросъ Хассанъ-эфенди, опытный артиллеристъ, не далъ мнѣ отвѣта.

Однажды я пришла въ крѣпость къ нему въ гости и не нашла интересныхъ орудій на своихъ мѣстахъ. Тогда почтенный эфенди объяснилъ, что на дняхъ пріѣзжала комиссія и увезла ихъ на монетный дворъ, гдѣ не хватило металла для чеканки піастровъ.

Таково было состояніе финансовъ подъ скипетромъ Абдуль-Азиса; но измѣнилось ли все къ лучшему при послѣдовавшихъ перемѣнахъ—то уже иной вопросъ.

А сейчасъ я расскажу, какимъ образомъ пришлось мнѣ выручать изъ стѣсненныхъ обстоятельствъ турецкаго офицера. О бѣдственномъ положеніи послѣдняго я узнала отъ дочери Кіамиль-паши, которая, хотя и не изъ числа сердобольныхъ, со слезами на глазахъ посвятила меня во всѣ подробности его горестной судьбы. Большая семья Хассанъ-эфенди буквально голодала, такъ какъ жалованья не выдавали уже второй годъ, кредиторы преслѣдовали безпощадно, а чиновники Высокой Порты требовали непосильныхъ взятокъ за перемѣщеніе на болѣе выгодное мѣсто. Къ тому времени освобождалась въ Хіосѣ вакансія пріемщика артиллерійскихъ запасовъ, должность, дававшая маленькій посторонній заработокъ.

Но безъ бакшиша кому слѣдуетъ, какъ мѣсто получить?

Въ такую скверную минуту жизни бѣдный эфенди послалъ свою жену въ гаремъ губернатора съ просьбой одолжить ему взаймы

небольшую сумму, чтобы извернуться. Но тамъ отвѣтили, что я рада бы всей душой, да самимъ, молъ, не очень-то жирно живетъся.

Тогда, послѣ нѣкотораго раздумья, остановились на мнѣ. Онѣ считали моихъ родныхъ очень богатыми, а меня слишкомъ доброй, судя по тѣмъ подачкамъ, которыя расточала я провожатымъ и посыльнымъ изъ солдатъ.

Элиме пріѣхала ко мнѣ и все объяснила. Къ данному моменту въ моей шкатулкѣ собралось довольно порядочное количество золотыхъ лиръ и серебра, которыми не скупилась одаривать меня дядя и его жена.

Мнѣ самой до боли стало жалъ несчастнаго старика, и я немедленно занялась устройствомъ его дѣлъ, отославъ ему прежде всего 200 рублей, что оказалось вполне достаточно для достиженія цѣли.

Послѣ того я приобрѣла особенное расположеніе въ средѣ мусульманскаго населенія и даже настолько, что, когда мнѣ приходилось бывать въ крѣпости и проходить мимо часовыхъ, то послѣдніе, замѣтивъ меня издали, радостно улыбались и отдавали воинскую честь, что дѣлалось, конечно, только по сердечному побужденію.

Зато и гордилась же я такимъ исключительнымъ вниманіемъ и, сознаюсь откровенно, мнѣ чрезвычайно нравились эти привѣтствія карауловъ.

Теперь мнѣ предстоитъ не легкая задача съ достаточной убѣдительностью выяснить на этихъ страницахъ, въ чемъ собственно проявилась сила подвига двухъ преданныхъ намъ мусульманъ Хасана и Али.

Заранѣе предвижу основательныя возраженія: но попробую, какъ умѣю.

Прочитавъ уже данную мною раньше характеристику выдающимся чертамъ душевнаго склада турка; кто - нибудь скажетъ мнѣ такъ:

— Положимъ, что отъ благодарныхъ сердець можно было бы ожидать нѣсколько болѣе опредѣленныхъ указаній на степень опасности для вашей жизни, а не однихъ только осторожныхъ и туманныхъ намековъ, да и то издали. Каждый изъ насъ по долгу совѣсти безъ всякихъ колебаній предостерегъ бы ближняго отъ бѣды—вотъ и все!

Такова, несомнѣнно, наша этика, а какова она у пламеннаго обожателя Магомета—въ этомъ - то вопросъ и надо разобраться.

— Хорошо. — отвѣтитъ мнѣ воображаемый оппонентъ, выслушавъ всѣ доводы о святости присяги и о страшной отвѣтственности,

налагаемой Исламомъ, за нарушеніе ея,—станемъ всецѣло на мусульманскую точку зрѣнія: оба ваши доброжелателя были, конечно, солидарны со всѣми присутствовавшими на тайномъ совѣщаніи улемовъ и также, какъ и прочіе, жаждали отомщенія гяурамъ, оскорбившимъ величайшую ихъ святыню.

— Но по отношенію къ вашей семьѣ, что же особеннаго сдѣлали признательные друзья? Угощая васъ эживоками, разнообразными метафорами и, по обычаю Востока, живописными сравненіями, какъ тотъ, такъ и другой не подумали даже сознаться просто и откровенно въ собственномъ безсиліи оградить своихъ благодѣтелей отъ роковыхъ случайностей момента, и не разъяснивъ даже, почему они съ такой настойчивостью добивались вашего отъѣзда изъ Хіоса.

Такъ гдѣ же здѣсь отраженіе высокихъ порывовъ души, и гдѣ же тутъ подвигъ?—спросить европеецъ; но я намѣрена возражать и на это.

— Такое ясное предупрежденіе иностранца со стороны правовѣрнаго, побывавшаго въ совѣтѣ шейховъ, было бы равносильно слѣдующему признанію: „сюда приглашены малоазіатскія банды; вы, конечно, сами знаете для какой цѣли, а потому скорѣе вызывайте военные корабли съ десантами и расправляйтесь съ нами“!

Ну, можно ли требовать что-либо подобное „отъ магометанина“, давшаго клятву на реликвіяхъ пророка хранить безусловную тайну?!

Я подчеркиваю слова „отъ магометанина“, потому что наше просвѣщенное понятіе о святости присяги очень таки растяжимо: кому не извѣстно, напримѣръ, что нѣтъ ничего легче, какъ найти лжесвидѣтеля по самому безсовѣстному дѣлу.

Не такъ относится мусульманинъ къ трактуемому предмету—вотъ эту разницу взглядовъ я и хочу объяснить.

Когда возникаетъ броженіе умовъ по поводу религіозныхъ недоразумѣній въ родѣ того, о чемъ идетъ рѣчь, духовенство приводитъ къ присягѣ на знамени пророка всѣхъ присутствующихъ въ закрытомъ собраніи.

Тогда каждый клянется въ благоговѣйномъ сознаніи воличія и святости этого акта съ непоколебимымъ намѣреніемъ исполнить въ точности данное обѣщаніе и принимаетъ на себя тяжкую отвѣтственность за малѣйшее уклоненіе въ сторону.

Доведенные до экстаза опаснымъ настроеніемъ своихъ руководителей, исламиты даютъ страшную клятву въ такой, приблизительно, формулѣ: они обязуются ни при какихъ обстоятельствахъ и принужденіяхъ, даже пыткахъ, не обмолвиться хотя бы единымъ словомъ о рѣшеніяхъ совѣта, чтобы неосторожнымъ выраженіемъ не навести

хвтраго франка на нѣкоторыя догадки и тѣмъ испортить планъ заговора.

Въ противномъ случаѣ виновный объявляется преступникомъ противъ Ислама, лишается жизни и самаго главнѣйшаго блага для набожнаго и вѣрующаго почитателя пророка: его душѣ воспрещается входъ въ рай Магомета.

Въ такихъ-то ужасныхъ условіяхъ находились бѣдные наши друзья, оба турка, когда пытались удалить насъ изъ Хіоса и, такимъ образомъ, давали намъ достаточно внушительное предостереженіе. Они очень хорошо понимали, что и этотъ шагъ съ ихъ стороны могъ бы заставить опытнаго консула насторожиться и принять соотвѣтствующія мѣры. Тѣмъ не менѣе, оба безъ оглядки рискнули своимъ благополучіемъ, какъ въ здѣшней, такъ и въ загробной жизни.

Это ли не высочайшій подвигъ самопожертвованія?

Конечно, холодному европейцу, давно потерявшему вѣру въ Промысль и Творца и живущему бездушными доктринами, не под силу понять психологію мусульманина, глубоко убѣжденнаго, что его религія есть та самая истина, которую ищетъ человѣчество.

Г л а в а XXXVI.

Всѣ живущіе на островахъ турецкаго Архипелага, благодаря близкому сосѣдству съ Малой Азіей, прекрасно знаютъ, что за теплая компанія эти зейбеки, лазы, курды и прочія племена „Леванта“, какъ называютъ въ Турціи Анатолію.

Каждую ночь на своихъ проворныхъ, легкихъ лодочкахъ они развѣзжаютъ у береговъ сосѣдей, высаживаются въ закрытыхъ мѣстахъ около скалъ и дѣлаютъ набѣги по преимуществу внутрь страны, гдѣ живутъ колонисты, владѣльцы цвѣтущихъ плантацій.

Излюбленнымъ мѣстомъ левантскихъ экскурсантовъ всегда былъ Хіосъ, какъ наиболѣе населенный греческими богачами—коммерсантами; но и городскими обывателями они также интересовались, въ чемъ пришлось самолично и по опыту убѣдиться, и о чемъ я расскажу современемъ.

Островитяне привыкли къ подобнымъ любезностямъ анатолійскихъ визитеровъ и принимали мѣры къ самоохранѣ, не рассчитывая на помощь гарнизона по причинѣ его отдаленности отъ загородныхъ колоній. Да и вообще, турецкія власти ничего не могутъ съ ними подѣлать.

Хіотяне еще съ незапамятныхъ временъ пользуются особеннымъ

вниманіемъ племени зейбековъ, какъ ближайшихъ къ нимъ аборигеновъ Малой Азіи.

Въ мусульманской Азіи такъ уже сложилось само собой, что когда возникаютъ вспышки фанатизма между магометанами и христианами, то почти всегда къ мѣсту потасовки являются башибузуки, но, конечно, болѣе изъ любви къ грабежамъ, чѣмъ по идейнымъ мотивамъ. Появленіе ихъ какъ-то прошлою ночью у эскадры не удивило бы никого въ обыкновенное время, если бы не сигнальныя ракеты изъ Чесмы и свѣдѣнія, добытыя шпіономъ въ мечети, а потому не трудно было догадаться, что на этотъ разъ бандамъ назначалась роль исполнительная...

Весь день субботы я не отходила отъ окна и съ понятнымъ волненіемъ наблюдала горизонтъ, въ надеждѣ увидѣть на немъ дымокъ военнаго корабля; но одновременно всѣ мы сознавали ясно, что столь желанная помощь едва-ли устранить надвигающуюся бѣду.

Кто можетъ отвѣтить за своеволие и безчинства малоазіатскихъ разбойниковъ? да никто, какъ и всегда!

И какая получится отъ того польза для населенія, если линейное судно, въ случаѣ беспорядковъ, выпуститъ нѣсколько гранатъ по городу и высадитъ роту солдатъ? Ровно никакой—только насмѣшить буйныхъ анатолийцевъ, и больше ничего! При первомъ же выстрѣлѣ изъ орудія эти господа удерутъ въ горы, а оттуда на противоположную сторону острова, сядутъ въ свои быстрыкрылыя лодки и улетятъ къ себѣ на берегъ съ тѣмъ, чтобы вернуться опять, когда непрошенные гости уберутся съ Хиосскаго рейда. А пока тамъ будетъ тянуться безконечная волокита дипломатической переписки, можно сто разъ наверстать потерянное время.

Наблюдавшій въ подзорную трубу съ плоской крыши дома секретарь нашего консульства, Артуръ Триконъ ¹⁾, сбѣжалъ внизъ и радостно объявилъ, что показался военный корабль. Слава Богу! Она пришла, эта помощь; но какая?...

Къ рейду подошло небольшое авизо подъ британскимъ флагомъ, и на его кормѣ мы прочли: „Coquette“.

Она бросила якорь и тотчасъ же спустила на воду шлюпку, въ которую сѣло нѣсколько офицеровъ. Гребцы направили боть прямо къ пристани цитадели, гдѣ прибывшіе были встрѣчены комендантомъ и администраціей.

По правиламъ международнаго этикета моряки прежде всего

¹⁾ Здравствуетъ по нынѣ и служитъ въ Хиосѣ агентомъ „Русскаго Пароходства и Торговли“.

сдѣлали визитъ губернатору, отъ него отправились къ своему консулу, а затѣмъ къ остальнымъ агентамъ европейскихъ державъ.

Настала и наша очередь: лодка причалила къ агентству, и гордые сыны Альбіона, важно озираясь, вошли по мосткамъ въ контору, а отсюда поднялись къ намъ наверхъ. Ихъ пригласили въ пріемную. Капитанъ, рыжій, красный дѣтина, еле волоча ноги, пыхтѣль, какъ паровикъ, и надо было полагать, что онъ уже изрядно нагруженъ джиномъ.

Помощникъ его, типичный британецъ, длинный, костлявый, съ огромными клыками вмѣсто зубовъ и съ огненными бакенбардами направлялъ свой лорнетъ во всѣ стороны и, съ удивленіемъ разсматривая обстановку комнаты, какъ будто очутился на лунѣ.

— Ого! — бормоталъ онъ на плохомъ французскомъ языкѣ:—въ Хіосѣ европейскій комфортъ — интересно! — Прочіе ничего не говорили, а только моргали сонными глазами. Имъ подали угощеніе въ англійскомъ вкусѣ: хересь, бисквиты и честеръ. Тогда они сдѣлались общительнѣй и рѣшили, что попали не къ дикарямъ.

Капитанъ совсѣмъ оживился, проглотивъ стаканъ любимаго напитка и, закусывая сыромъ, соблаговолилъ сообщить намъ о цѣли своего прибытія.

— Мы командированы къ вамъ,—говорилъ онъ съ превеликимъ достоинствомъ, — чтобы освѣтить въ настоящемъ видѣ характеръ беспорядковъ и, ознакомившись съ подробностями инцидента, пришли къ заключенію, что игра не стоитъ свѣчъ: на базарѣ подрались два дурака, а умные люди испугались и надѣлали шуму. Изъ такого вздора нельзя беспокоить эскадры, которая имѣетъ несравненно болѣе важное назначеніе, чѣмъ разбирать домашнія дразги по захоlustьямъ Эгейскаго моря. На Востокъ всегда дерутся отъ скуки: то за Магомета, то за Моисея, стоитъ ли обращать вниманіе на подобныя глупости,—уже съ громкимъ хохотомъ договорилъ командиръ авизо, допивая третій стаканъ вина.

Возраженія и доводы моего дяди не привели ни къ чему и только насмѣшили англичанъ. Бойкій помощникъ капитана отвѣтилъ за всѣхъ такъ:

— Ваши опасенія весьма преувеличены: странно, что вы боитесь башибузуконъ? Вѣдь эти негодяи отчаянные трусы! возьмите каждый по палкъ и разгоните ихъ; слишкомъ много чести вызывать для подобной дряни военные корабли!

Убѣдившись, что спорить съ людьми предвзятыхъ мнѣній не стоитъ труда, мы перевели разговоръ на другія темы.

Мнѣ захотѣлось сказать что-нибудь пріятное нашимъ гостямъ,

и я выразила имъ сожалѣніе, что до сихъ еще не видѣла гордости ихъ флота, фрегата „Девастейшинъ“ ¹⁾).

Какъ видно было, это очень понравилось самолюбивымъ мореплавателямъ, потому что они стали чрезвычайно любезны и взапуски всѣ сразу принялись описывать мнѣ несравненные достоинства своего „Опустошителя“.

Зубатый помощникъ съ неподрожжаемымъ самомнѣніемъ началъ доказывать, что весь Хіосъ—это съ его-то сотысячнымъ населеніемъ!—и со всѣми зейбеками на придачу, могли бы свободно размѣститься на палубахъ и въ трюмахъ англійскаго „чудовища“.

Прочіе моряки вторили ему и, въ концѣ концовъ, довольные мною, такъ разошлись, что стали усиленно приглашать меня непременно прѣхать въ Безикскую бухту, гдѣ имѣлъ стоянку удивительный корабль, чтобы осмотрѣть пушки, ядра и другія чудеса „Опустошителя“.

Рыжій капитанъ съ ловкостью медвѣдя расшаркался передо мной и попросилъ заранѣе разрѣшенія сопровождать мою особу въ качествѣ кавалера на ихъ эскадру, обѣщая, во что бы то ни стало, исходатайствовать для меня разрѣшеніе—не спрашивая на то моего согласія—быть представленной начальнику всѣхъ морскихъ силъ Великобританіи, адмиралу лорду Сеймуру. Рисуя мнѣ столь заманчивую перспективу, онъ думалъ, конечно, что я или умру немедленно отъ счастья или же, по крайней мѣрѣ, сойду съ ума.

Но я почувствовала приливъ патріотизма и заявила ему, что у насъ есть точно такое же „чудовище“ морей—это фрегатъ „Петръ Великій“.

Надо было видѣть эффектъ послѣднихъ словъ: англичане презрительно переглянулись, а помощникъ командира досталъ изъ кармана сигару и, протягивая ее мнѣ, съ гримасой отвѣтилъ:

— Вотъ ваши пушки на „Петръ Великомъ“, а вотъ наши!—и онъ описалъ руками такой громаднѣйшій кругъ, что невольно пришлось усумниться въ вѣроятіи подобнаго размѣра орудій; но, желая переспорить хвастливыхъ моряковъ, я, къ сожалѣнію, сказала другую глупость:

— Наша царь-пушка въ Московскомъ Кремлѣ самая большая въ мірѣ по своей величинѣ, а потому вы ничѣмъ не удивите насъ.

Кажется, что эта выходка уронила меня въ ихъ глазахъ, и капитанъ авизо со смѣхомъ возразилъ:

-- Вашу „царь-пушку“ можно заряжать только горохомъ и стрѣлять по воробьямъ.

¹⁾ Въ переводѣ значитъ „опустошитель“.

Наконецъ, интересные визитеры стали прощаться и снова повторили приглашеніе посѣтить бухту Безики, чтобы сравнить „Девастейшинъ“ съ „Петромъ Великимъ“.

Почему-то они воображали, что для меня это былъ вопросъ жизни и смерти. Но такова національная черта британца: съ кѣмъ бы онъ ни сталкивался, каждый обязанъ былъ, по его глубокому убѣжденію, склониться передъ міровымъ превосходствомъ Англїи и помнить, что она выше всѣхъ странъ на свѣтѣ...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

